

ТЕМА ВЛАСТИ В РОМАНЕ СТ. МИШНЕВА «ПАСЫНКИ»

А. В. Кочкина, Т. А. Тернова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 декабря 2022 г.

Аннотация: в статье исследуется историческая концепция современного писателя Ст. Мишнева, в центре которой — осмысление соотношения власти и народа в судьбе деревни конца XX века.

Ключевые слова: современная русская литература, постдеревенская проза, реализм, Ст. Мишнев, «Пасынки».

Abstract: the article studies the historical concept of the modern writer St. Mishnev, in the center of which is the understanding of the relationship between power and people in the fate of the village at the end of the 20th century.

Keywords: modern Russian literature, post-village prose, realism, St. Mishnev, «Stepchildren».

Постдеревенская проза — одна из актуальных тенденций развития современной литературы. Ее возникновение можно связать с несколькими показательными чертами литературного процесса начала XXI в. Во-первых, это поворот в сторону реализма, произошедший в современной культуре в целом, и, во-вторых, интерес к литературе нон-фикшн, документализму, фактографическому письму. Возможно также, что расцвет постдеревенской прозы со свойственным ей аналитизмом и желанием выстраивать не только эстетические, но и исторические контексты, является выражением характерного для современной литературы интереса к истории, прежде всего, XX века, с поиском в ней ответов на вопросы, касающиеся современности (З. Прилепин, Г. Яхина и др.).

Постдеревенская проза развивается на стыке литературы и публицистики, поднимая острые проблемы современности. Сама художественная ткань также воплощает эту тенденцию. Так, сюжетная модель журналистского расследования используется в романе Р. Сенчина «Зона затопления». Пример серии текстов (циклизация — черта очерковой прозы) представляет собой «Двор прадеда Гриши» В. Отрошенко, «повесть из десяти новелл и эпилога», объединенных проблематикой и кругом героев. Лирико-эссеистическое начало присутствует в «повести сердца» «Дом в деревне» А. Варламова. Авторская позиция в постдеревенской прозе становится заостренной, нередко прямолинейно выраженной за счет присутствия в тексте автобиографического героя и прямо-оценочной публицистической стилистики высказывания.

Значимым моментом в осмыслении постдеревенской прозы стал выход «Зоны затопления» Р. Сенчина и появление спровоцированной романом критики.

В 2015 году в журнале «Вопросы литературы» была опубликована статья Е. Погорелой «Промежуточные итоги», где прозвучала мысль об ответе литературы на читательский запрос: «От литературы потребовали правды жизни — не усеченного натурализма периода 1990-х, а выпуклой достоверности и подробного, аналитического осмысления реальности как она есть» [4, 220].

Обращаясь к уже ставшей классикой XX века деревенской прозе, авторы новой прозы о деревне как бы отвергают связь с предшествующим литературным десятилетием. Их эстетическими и, что еще важнее, нравственными ориентирами становится творчество В. Распутина (Р. Сенчин), Б. Белова, В. Шукшина (А. Варламов, С. Мишнев) и др. [7]. В то же время это литература нового толка, предполагающая возможность экспериментирования с формой при сохранении остроактуального содержания. Так, А. Рудалев усматривает в ней «синтез производственного романа с деревенской прозой» [6].

Исследование постдеревенской прозы нередко выстраивается по пути поиска сходств и различий с ее пратекстом — деревенской прозой. Д. Грицаенко в качестве едва ли не основного отличия произведения Сенчина и прозы Распутина называет то, что в «Зоне затопления» «главный герой романа — власть», и это «принципиально отличает Сенчина от Распутина, не коснувшегося этой темы, зато уделившего больше внимания психологизму» [2, 215]. Возможно, акцентирование темы власти является универсальным смысловым признаком текстов постдеревенской прозы, спровоцированным, что называется, духом эпохи. Вместо более характерного для прозы деревенщиков противостояния города и деревни в новейшей литературе о деревне мы наблюдаем противостояние власти и народа. Деревня становится значимым, но все же частным случаем,

наиболее показательно фиксирующим драматизм исторического момента. Не случайно А. Рудалев говорит в своей статье также и о судьбе моногородов, расположенных на тупиковых транспортных ветках, и судьбе городов малых, расположенных в сутках поездного пути от центра [6].

Предметом нашего внимания будет осмысление темы власти в творчестве вологодского писателя Ст. Мишнева. В романе «Пасынки» категория власти подвергается системному художественному осмыслению, ложится в основу исторической концепции писателя. Будучи вписанным в современную действительность и оттого остро переживая происходящее («жестоко испохабили мы мир» [2, 18]), Ст. Мишнев ставит перед собой задачу понять причины социального разлома, который пережила страна в 90е годы XX века. С его точки зрения, это не что иное, как «судьбоносный крест России» [18], данный «в отместку» [18] за прошлые ошибки, совершенные политической властью. Подобный авторский замысел предопределил основанную на приеме ретроспекции рамочную композицию «Пасынков», выполняющую не только сюжетобразующую, но и идейную функцию.

Главный герой романа — свидетель и непосредственный участник становления советского государства, бывший председатель Конякинского сельсовета Афанасий Мылов. Ранее «беспощадный коммунар и железный коммунист» [2, 20], а ныне восьмидесятилетний старик, он подводит итоги прожитой жизни. Воспоминания Офони позволяют погрузиться в события первой половины XX века, дать оценку власти и обнаружить следствия эпохальных событий, предопределивших исторический путь России, в дне сегодняшнем («На старый полоз встаем <...>. Через таких, как ты, недоумков здрыхнувших, и разорили деревни» [2, 26]; «нескоро выхлебаем» [2, 157]).

Исследуя категорию власти, автор фокусируется на конфликте ‘человек’ — ‘государство’, представленном в «Пасынках» как вечный («землепашцев испокон веку доили и доить будут, планида у нас такая» [2, 70]). Однако если при царе, несмотря на многочисленные подати, как отмечают герои-крестьяне, «справно жили» [2, 96], «о своем хозяйстве» [2, 96], то коммунисты «вознамерились ограбить свой народ» [2, 90]. В «Пасынках» из уст крестьян неоднократно звучат неодобрительные оценки советской власти, разрушавшей традиционное мироустройство насильственным путем («воры» [2, 144], «шайка-лейка» [2, 150], «власть <...> оказалась — теткина» [2, 224]). Партия, поставив ультиматум крестьянину («Кто не с нами, тот на балалайке медведей играть учить станет» [2, 213]), проводила идеологическую и физическую расправу над несогласными («собрание <...> как бой смертельный!» [2, 69], «много их постреляли» [2, 237]). Запуганный народ «ощетинивался» [2, 65], все больше озлоблялся и, в конце концов, ослабевал в неравной схватке с властью.

Страх — лейтмотив, характеризующий состояние крестьянина в конфликте ‘человек’ — ‘государство’ («напал на меня страх» [2, 61], «конякинский мир боялся новизны» [2, 65], «колхозники собственного вздоха бояться» [2, 252]). Как результат — «пассивный прогиб деревни перед нашествием» [8, 4] власти пролетариата, культ которого развенчивается в романе С. Мишнева. Политическая власть 90-х в лице «депутатских заболоченных платформ» [2, 30] также не снискала народного доверия, она воспринимается людьми исключительно как враждебная сила («Всякая власть против народу!» [2, 30]).

В главах романа, хронотоп которых соотносим с 20–40-ми годами XX века, С. Мишнев последовательно утверждает «самозванную сущность» [5, 19] советской власти. Свидетельство этому — изображение ее антистратегий и антипоступков, идущих вразрез с многовековыми народными ценностями и традициями. К таковым можно отнести инициированную после гражданской войны политику И. Сталина, понимавшего, что устои православия — системы духовно-нравственных координат прошлого — еще не сломлены. «Потому-то первый удар был нанесен именно по быку, на котором стояла Русь. <...> Для окончательного уничтожения русского духа», — выразил убежденность в одном из интервью писатель [8, 4]. В «Пасынках» для представителей власти вера — это «опиум» [2; 101, 104, 105, 112, 134], а церковь — враг, «вроде царского генерала, которого надо вздернуть на фонарь» [2, 90]. В соответствии с Декретом, «откинувшим веру на задворки жизни» [2, 158] и вызвавшим непонимание и возмущение священнослужителей и простого народа, православные храмы разрушались («упал Иван-царь на клеть, столбом взметнулась кирпичная пыль, до земли содрогнулась церковь» [2, 113]), осквернялись («нагадили в пазы, где иконы стояли» [2, 117]) теми, кто называл себя новой властью, поставившей цель установить иные, отличные от прежних правила жизни. Конякинцы Офоня Мылов и Гришка Лобач без раздумий бросились уничтожать «сторожевого пса царизма» [2, 74]. Для односельчан они «обсевки» [2; с. 46], «охвостье» [2, 150], «прощелыги» [2, 182].

Кроме того, в романе подвергается осуждению политика партии, направленная на искоренение эксплуататоров-кулаков, а в действительности — зажиточных крестьян, которыми испокон веку сильна была русская деревня. «Закачалась старина» [2, 118]: лодыри, бездельники, безлошадники — теперь «надежда» [2, 192] советской власти, а рачительные хозяева — враги, подлежащие ликвидации. Калейдоскоп человеческих трагедий изображен на страницах романа. Раскулачили семью мельника из Конякина, мужика по прозвищу Мозоль из деревни Казенной, сыновья которого служили в Красной Армии. Изъяли пятистенок хуторянина Ивана Ермолина. Сере-

га Кузнецов, не смирившийся с описью имущества и не стерпевший вызывающе пренебрежительного поведения комиссии, вместо Офони случайно застрелил собственную жену. «Ревели напуганные малые, причитали бабы, в истерике бился в руках Парфена Серега» [2, 209]. Погибла в дороге и высланная из Конякина семья крестьянина Бориса Непросужего. Сам он был заколот штыком.

Так шаг за шагом все связи с неугодным прошлым целенаправленно разрушались коммунистами. Взамен народу насильственно насаждались («VIII съезд сказал» [80]) новая идеология и новый уклад жизни. Утверждался атеизм («Бога нет <...>, есть живой человек, есть природа, которая <...> боится разума и работы!» [2, 114], «Без Бога широка дорога» [70]), провозглашалось, что бедняк — «крепость советской власти» [2, 67], а царизм — «болото» [2, 129], пережиток прошлого («проклятое царство» [2, 129]). На смену, казалось, непоколебимым константам существования, среди которых русская соборность как «духовно-организационное единство нации» [3, 7] и осмысленный труд на собственном земельном наделе, пришли утверждаемые советской властью новые формы человеческого общежития — коммуны и колхозы. Идущие наперекор привычному укладу жизни и традиционной системе ценностей, они осуждаются в художественном мире романа и героями, среди которых крестьяне и интеллигент Золотухин («кладбище коммунары сметанинские распахали» [2, 163], «коммуна не то!» [2, 166]; «физическое и нравственное истребление народа!» [2, 222]), и текстовым автором («Первые годы жизнь в артелях была похожа на мельничные жернова, пущенные вхолостую» [2, 217], «Стал народ грубеть через эти трудодни» [2, 217]).

Осмывая советскую власть как самозванную, Мишнев демифологизирует ее. В романе создан сложносочиненный художественный образ власти, каждый уровень которого демонстрирует пороки как отдельных ее представителей, так и политической системы в целом. Так, верховная власть являет себя опосредованно через тексты Декретов и резолюций съездов. Вознамерившаяся перекроить сознание русского человека, она создала идеологию, претендующую занять место попорченной веры. Так, в тексте упоминается «ленинская триединая программа» [2, 185], которая может быть интерпретирована как аллюзия на религиозное учение о трех лицах единого Бога («обопричь на бедноту, устанавливай согласие с середняком, ни на минуту не прекращай борьбы с кулаком» [Там же]). Сам Ленин в устах представителей власти более низкого уровня обожествляется («На святое замахнулся» [2, 222]). В то же время в тексте романа подчеркивается, что именно под руководством советских вождей в стране стали возможны «и красный террор, и гражданская война, волнения, расстрелы» [2, 87].

Реализовывать установки новой власти в послереволюционную эпоху на местах были призваны, по выражению С. Мишнева, «бойцы <...> и золотари» [8, 4]. Таким бойцом в «Пасынках» выступает Исаков — «уполномоченный губкома партии» [2, 183], которому было поручено провести идеологическую работу среди населения вологодских деревень и обеспечить сплошную коллективизацию. «До последней капли крови отравленный идеями мировой справедливости» [8, 4], одержимый властью, Исаков понимал поставленную перед ним задачу с позиции силы: «перешибить хребет» [2, 183] местным кулакам, «разнести по ветру непокорные лачуги» [2, 67]. Собрания жителей Конякина, организованные Исаковым, демонстрируют его установку влиять на людские умы запугиванием и прямыми угрозами («заставить осиновыми листками трепетать непослушных» [2, 67], «положить бы вас, своих, под пулеметную строчку» [2, 72]).

Введенные в состав исполкома Офоня Мылов и Гришка Лобач — те самые беспринципные «золотари», чьими руками творились в волостях бесчинства и террор населения. Будучи порождением своего времени, Офоня усвоил, что, чтобы выжить, необходимо «прибаваться ближе к власти» [2, 180], держаться сильных. Этот «злой сор» [2, 57], который «дала <...> революция» [2, 57], став «рабом самых диких своих прихотей» [2, 173], карал несогласных, мстил деревенским за неуважение: теперь он «царь и бог!» [2, 214]. Можно утверждать, что с образом Мылова связан традиционный для классической русской литературы «феномен самооборачиваемости раба в тирана» [4, 17], что еще раз подчеркивает самозванство власти.

Введение подобных знаковых героев в систему персонажей предопределило наличие ряда мотивов в сюжете романа С. Мишнева: мотива хаоса («время на деревне после революции пошло незавидное: <...> зависть, неуважение старших, глумление над всем, во что недавно верили» [2, 39]; «будто смотрю откуда-то снизу на перевернутые облака» [2, 117], «Теперь все можно» [2, 109] и др.), мотива озверения («охлабить раззлотившегося зверя» [2, 73], «от показной собачьей преданности» [2, 77], «набежал Исаков-волк» [2, 107], «змея лютой до народу» [2, 182], «он телом своим выгладил тропу звериную» [2, 216], «запах <...> крови» [2, 216] и др.). Более того, с образом харизматика-идеолога Исакова и обсева Мылова утверждается дьявольское начало политической власти («осатанел Яшка» [2, 65], «завозился злобный бесенок» [2, 92], «идут путем Каиновым» [2, 93], «это и есть антихрист» [2, 109], «теперь мне сам черт не страшен» [2, 125] и др.). В этом контексте власть 90-х в художественном мире романа выступает преемницей своей предшественницы, о чем пророчески предупреждал отец Михаил, конякинский священник («Это еще не самое худое время» [2,

128]). Читаем в романе Мишнева: «Душу вы о тридцатых годах из людей выдернули» [2, 24] — «теперь за тело Дьявол берется» [2, 24]; «из каких рекрутов он подручных нынче набирает?» [2, 24]; «эти похлеще вас будут» [2, 24]; «Вы бы с Яковом-то и кости с кладбища продали» [2, 26] — «эти землю за пятак продадут» [2, 24]. Подчеркнем, что и послереволюционные годы, и период после распада СССР представлены в романе С. Мишнева как смутное время, когда «одержимость людей злым духом лишает их человеческого облика» [3, 22].

Однако критицизм в репрезентации темы власти не исключает в «Пасынках» объемности авторской позиции. В тексте романа отмечается, что местная власть в лице председателя исполкома Кифы Андреевича Зыкова и главы волостных коммунистов Филата Матвеевича Панкратова человечна, подвергает сомнению линию партии («Церковь снесем и сразу переродимся?» [2, 72], «Незаконно это» [2, 79]). И Кифа, и Филат — «персть земная» [2, 33], они укоренены в деревню, ее быт и многовековые устои, понимают озабоченности и тревоги народа («Не будет того, чтобы всякое ворье нами помыкало!» [2, 188], «Мы этой борьбой, в которую нас суют, сжигаем себя» [2, 203]). Герои вынуждены поступать против своей воли («Четыре амбара хлеба полнехоньки стоят, а не тронь, государственный запас» [2, 257]), им приходится лавировать между потребностями народа и задачами партии («Между молотом и наковальней, шпцты-та я» [2, 159], «Верхам количество подавай, а качество...» [2, 269], «а ночью... за восемь бед один ответ, уж кто сколь может [2, 256]). Власть для Кифы Андреевича и Филата Матвеевича — тяжелая ноша, ответственность, которую они взяли на себя, вступив в борьбу за достижение «победного часа коммунизма» [2, 188]. С образом председателя Зыкова в романе утверждаются мотивы вины и стыда за результаты властных инициатив («Метался Кифа Андреевич, проклинал свою должность» [2, 204], «Подлые мы люди» [2, 211], «Двадцать шесть лет трясем, людям спокойно жить не даем» [2, 230]).

Но и подобных героев стремящийся к объективизму автор не идеализирует. В его концепции действительности тема власти освещается через призму дискредитации ее представителей. Власть имущие на местах одинаково не понимают сути общественно-политических процессов, запущенных революцией, часто руководствуются расхожими лозунгами, ознаменовавшими послереволюционное время («Он отдавал дань моде» [2, 80], «А как и что из этого получится, он не задумывался» [2, 117], «Основные разгромные пункты вызубрил» [2, 196], «Народ <...> работает, так что же верхам надо?» [2, 201]).

Таким образом, тема политической власти является центральной в романе С. Мишнева. Она вынесена в заголовок произведения. В авторской интерпрета-

ции, пасынок — это власть, утвердившаяся в период социально-политического разлома и выступившая против русского народа. Более того, с темой власти в романе сопряжены элементы поэтики и все прочие содержательные компоненты: несовпадение сюжета и фабулы, темы уничтожения традиционного уклада жизни на селе и искоренения веры, проблема раскрестьянивания мужика, конфликт частного человека и государства и обусловленные им мотивы озверения и страха и др.

Демифологизация и дискредитация — ведущие авторские стратегии в процессе создания образа власти, демонстрирующие ее самозванство и утверждающие отрицательную авторскую оценку.

Можно заключить, что художественное осмысление власти позволило С. Мишневу обнаружить истоки умирания русской деревни, выступающего, в соответствии с логикой творчества вологодского писателя, маркером глубокого кризиса, в который погрузилась страна в 90-е годы XX века («не тот мужик пошел» — «захирели колхозы» — «пошла борьба за кресло и власть» — «время течет великой тоской» [2, 18]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Грицаенко Д. Эхо с Матеры: Роман Сенчин. Зона затопления / Д.
2. Грицаенко // Знамя. — 2016. — № 3. — С. 214–216.
3. Мишнева С. Пасынки / С. Мишнева. — Вологда: Полиграф-Книга, 2011. — 400 с.
4. Переяшкин А. В. Художественное осмысление политических реалий в современной российской прозе (на материале произведений С. Шаргунова, А. Проханова, Л. Бородинина) / А. В. Переяшкин. — Автореф. ... к. филол. н. — Пятигорск, 2021. — 29 с.
5. Погорелая Е. А. Промежуточные итоги / Е. А. Погорелая // Вопросы литературы. — 2015. — № 6. — С. 120–122.
6. Постникова Е. Г. Тема власти в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина и Ф. М. Достоевского (мифопоэтический и художественно-философский аспекты) / Е. Г. Постникова. — Автореф. ... д. филол. н. — Екатеринбург, 2014. — 44 с.
7. Рудалев А. Литература на пороге синтеза производственного романа с деревенской прозой / А. Рудалев // Рудалев А. Письмена нового времени. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A0/rudaljev-andrej/pisjmena-novogo-vremeni?ysclid=lcnmjjaj9w161636074>. — Дата обращения — 16.12.2022.
8. Тернова Т. А. «Прощание с Матерой» В. Распутина как прецедентный текст в современной традиционалистской прозе (к 40-летию создания повести) / Т. А. Тернова // Русистика сегодня: Традиции и перспективы. Сборник докладов юбилейной научной конференции (София, 23–25 ноября 2016 г.). — София: «Тип-топ пресс», 2017. — С. 569–576.
9. Юрова Н. Интервью со Ст. Мишневым. Человек — существо думающее // Газета «Кокшеньга». — 11 июля 2000. — С. 4.

Воронежский государственный университет

*Кочкина А. В., аспирант кафедры русской литературы
XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: a.w.kochkina@ya.ru*

*Тернова Т. А., доктор филологических наук, доцент, про-
фессор кафедры русской литературы XX и XXI веков, тео-
рии литературы и гуманитарных наук.*

E-mail: ternova@phil.vsu.ru

Voronezh State University

*Kochkina A. V., Post-graduate student of the Department
of Russian Literature of the XX and XXI Centuries, Theory of
Literature and the Humanities.*

E-mail: a.w.kochkina@ya.ru

*Ternova T. A., Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of Russian Literature of the XX and
XXI Centuries, Theory of Literature and the Humanities.*

E-mail: ternova@phil.vsu.ru